

Авторы и культура анонимности в альманахах Н.М. Карамзина «Аглая» и «Аониды»

Александра Акчурина

Автор рассматривает альманахи Н.М. Карамзина «Аглая» и «Аониды», вышедшие в 1790 г. Предмет исследования – авторы, сотрудничавшие в изданиях. В сборники «Аглая» входили в основном произведения, принадлежавшие Карамзину, поэтому на примере «Аглаи» автор анализирует такой специфический тип издания, как моноальманах, т.е. альманах, созданный одним человеком. Сборники «Аониды», объединили вокруг себя широкий круг писателей – как первого ряда, так и второго. Автор статьи уделяет также внимание культуре анонимности, анализируя псевдонимы, под которыми публиковались писатели.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, альманахи «Аглая» и «Аониды», автор, псевдоним, периодические издание.

Литературные альманахи Николая Михайловича Карамзина «Аглая» и «Аониды», издававшиеся в 1790 г., представляли собой внушительные сборники поэтических и прозаических произведений. Первый из них, «Аглая», почти полностью состоял из произведений Карамзина, в «Аонидах» же сотрудничали многие писатели первого и второго ряда. В настоящей статье мы последовательно рассматриваем оба периодических сборника и обозначаем перечень авторов, в них публиковавшихся. Подобный анализ позволяет сделать выводы о том, кто из известных писателей причислял себя к единомышленникам писателя и издателя, а кто из малоизвестных претендовал на принадлежность к его кругу. В наши задачи также входило исследование псевдонимов писателей. Большинство авторов в альманахах Карамзина по распространенной в XVIII–XIX вв. традиции не называли своих полных имен, что заставляет задуматься о культуре авторской анонимности, существовавшей в ту эпоху в писательской среде.

«Аглая»

Альманах «Аглая» издавался Карамзиным в Москве в 1794–1795 гг. – по одной книге в год. О планах издания альманаха Карамзин сообщил еще в последнем

Акчурина Александра Романовна – аспирантка кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, vassa3004@list.ru

выпуске своего «Московского журнала» за 1792 г.: «... может быть, вздумается мне написать какую-нибудь безделку; может быть, приятели мои также что-нибудь напишут – сии отрывки или целые пиесы намерен я издавать в маленьких тетрадках, под именем <...> например, Аглаи, одной из любезных граций»¹. Выбранное название перекликается с образами лирики Карамзина и фактами его биографии. Под именем хариты Аглаи он воспевал в стихах свою будущую первую жену Елизавету Ивановну Протасову (Карамзин женился на ней в 1801 г.). В уведомлении об издании альманаха Карамзин отметил особенность будущего сборника: «“Аглая” заступит место “Московского журнала”. Впрочем, она должна отличаться от сего последнего строжайшим выбором пиес и вообще чистейшим, то есть более выработанным слогом; ибо я не принужден буду издавать ее в срок»². Карамзин уже обозначил стиль, взыскательный принцип отбора материалов и даже вероятную периодичность будущего издания (не такую регулярную, как у «Московского журнала»).

Хотя проект создания альманаха существовал уже в конце 1792 г., первая книжка «Аглаи» увидела свет только в 1794 г., вторая – в 1795 г., еще через год обе части были Карамзиным переизданы.

Писатель, редактор и издатель в одном лице

Почти все произведения, вошедшие в две книги «Аглаи», написаны Карамзиным. В конце первой книги за 1794 г. в обращении к читателям издатель отметил: «В ней [в книге «Аглаи». – А.А.] одни русские сочинения; переводов нет. На сей раз приятели мои сообщили мне только две пьесы: басню Чиж и Разлуку»³. Басня «Чиж» принадлежала перу друга Карамзина Ивана Ивановича Дмитриева и вышла за подписью «И.Д.», а стихотворение «Разлука» написал Михаил Матвеевич Херасков

(в альманахе под подписью – «М. –въ»). Псевдонимы, использовавшиеся писателями, были традиционными – под такими же подписями произведения Дмитриева и Хераскова выходили и в «Московском журнале» Карамзина за 1791-1792 гг. Во втором сборнике только одно произведение не принадлежит Карамзину – притчу «Скворец, попугай и сорока», опубликованную под тем же псевдонимом «М. –въ», ему прислал Херасков. Как в первой, так и во второй книге Карамзин замечал, что в «Аглае» опубликованы только «русские сочинения» (в противоположность «Московскому журналу», на страницах которого часто появлялись переводы из иностранных авторов). Среди помещенных в «Аглае» повестей, статей и набросков Карамзина немало известных. Так, в первый выпуск вошли статьи «Что нужно автору?» и «Не-что о науках, искусствах и просвещении», повесть «Остров Борнгольм». Основу второй книги «Аглаи» составил цикл повестей о воображаемых путешествиях, в выпуск вошли повесть «Сиерра-Морена», зарисовка «Афинская жизнь». В обеих книгах продолжались публикации отрывков из «Писем русского путешественника», начатых в «Московском журнале», – в сборнике за 1794 г. опубликован отчет о поездке в Лондон, а в 1795 г. – в Париж (в нарушение хронологии – Карамзин вначале посетил французскую столицу, а затем британскую).

Значительная часть произведений Карамзина в альманахе не подписывалась, в конце могла ставиться дата, как в случае со стихотворением «Приношение грациям» («Июня 3 1793» в сборнике за 1794 г.) или прозаической зарисовкой «Цветок на гроб моего Агатона» («Марта 28» в сборнике за тот же год – год не указан, так как повторял год выхода альманаха). В сборнике за 1794 г. кроме дат не встречаем других вариантов подписи Карамзина, в сборнике за 1795 г. стихотворения Карамзина

выходили под необычными псевдонимами. Так, «Послание к Д***», посвященное И.И. Дмитриеву (сопровождается припиской автора – «В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости»⁴), подписано «А.Б.В.». Появившиеся в той же книге стихотворения «К любезной» и «Странность любви, или Бессонница» сопровождаются подписью «О.О.». Надо заметить, в тексте последнего из них автор выделил сноской слово «бедлам» – «Дом сумасшедших в Лондоне»⁵ – уже по упоминанию британской столицы можно догадаться, что автор – Карамзин, так как в предыдущем сборнике «Аглаи» вышли отрывки из «Писем русского путешественника» с лондонскими эпизодами.

Ни о чем не говорящие псевдонимы Карамзин использовал и раньше – например, в «Московском журнале» наиболее известные произведения писателя вышли под экзотическими подписями: «Бедная Лиза» вышла за подписью «Bl.», «Наталья, боярская дочь» – «Bl.Ц.Ч.», ода «К милости» – «Ц.Bl.».

Моноальманах Н.М. Карамзина

Мотивы, по которым писатели прячутся за ребусами букв и тире, различны. В дворянском кругу подобная маскировка была принята, чаще всего, из ложной скромности. Большинство читателей были в курсе, кто автор произведения, возможно, даже лично присутствовали на вечере, где сам автор читал свои новинки, и публикация под псевдонимом содержала в себе определенную долю кокетства – автор известен публике и не хотел бы лишней раз напоминать о собственной персоне, хотя внимание ему приятно.

Однако в случае с псевдонимами Карамзина подобный подход не совсем актуален. Сборники «Аглая» изначально следует рассматривать как моноальманах, или «альманах одного лица» (если перефразировать слова исследовательницы Т.Ф. Пирожковой,

назвавшей «Московский журнал» «журналом одного лица»⁶). На примере «Аглаи» Карамзина мы видим, как периодическое издание становится плацдармом для старта молодого писателя. Сборник, более чем на 90% состоящий из работ одного автора, представляет в случае «Аглаи» успешное предприятие, способствующее «продвижению» (если использовать современный термин) и росту популярности автора и издателя в одном лице.

В «Аглае» меняется и позиционирование автора. Если в «Московском журнале» обращения к читателям Карамзин подписывал «От издателя», в «Аглае» те же обращения печатались уже с пометкой «От сочинителя» и, как и многие сноски, имели более личный, доверительный характер. Так, в сборнике за 1794 г. «Надгробная надпись Боннету» сопровождается сноской: Надпись «излилась из души моей в самый тот час, как я получил известие о смерти сего незабвенного друга человечества, сего великого философа, сего истинного мудреца, любезного моему сердцу»⁷. Подобная манера не напоминает диалог с аудиторией, который выстраивал редактор «Московского журнала» – там обращения Карамзина выглядели как шутливая беседа с приятелем, но не откровенный разговор с другом. В «Аглае» автор стремится выработать новый подход, согласно которому дистанция с читателями еще больше сокращается, а писатель доверяет публике всецело свои мысли, чувства – и стихи.

Более того, в альманахе писатель позволяет читателям постичь и творческий процесс – заглянуть в мастерскую художника в тот час, когда он творит. В сносках и дополнениях Карамзин сообщает подробности, которые обычно скрыты от любопытных глаз. Например, зарисовку «Афинская жизнь» в сборнике за 1795 г. писатель дополнил кратким послесловием: «О друзья! Все проходит, все исчезает! Где Афина? Где жилище Гиппиево? Где

храм наслаждения? Где моя греческая мантия? – Мечта! Мечта! Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафроке, и не вижу перед собою ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и гамбургских газет, которые завтра поутру (а не прежде; ибо я хочу спать нынешнюю ночь спокойным сном) известят меня об ужасном безумстве наших просвещенных современников»⁸.

Карамзин сознательно снимает завесу тайны с фигуры художника-творца, и перед нами предстает живая картина, полная бытовых мелочей: человек в «худом шлафроке» за столом с догорающей свечой не кажется уже недосягаемым идеалом, в глазах читателей он обретает человеческие слабости, которыми наделен каждый. Но посвящение публики в планы и творческий процесс не лишает высокохудожественное произведение тайны прекрасного – в подобном подходе Карамзина заключена хитрая уловка писателя, ощутившего свою силу и умеющего правильно ею распорядиться. По замечанию Ю.М. Лотмана, «Аглая» пронизана «духом семейной интимности», причем интимности нарочитой, выдуманной. Карамзин добивался «имитации дружески-непосредственного общения» с читателем, что придавало альманаху оттенок «альбомности»⁹.

Издатель альманаха «Аглая», вне всяких сомнений, использовал псевдонимы не для того, чтобы скрыть свое имя. В «Московском журнале» Карамзин и Дмитриев нередко обращались к различным псевдонимам, чтобы создать иллюзию, что над выпуском журнала трудился большой штат авторов. Но в «Аглае» Карамзин изначально не делал секрета из своего авторства, более того – старательно подчеркивал. Например, в заключительном обращении «От сочинителя» в сборнике за 1794 г. Карамзин писал: «Я желал бы писать не так, как у нас по большей части пишут; но силы и способности не всегда соответствуют же-

ланию»¹⁰. Само обращение – от сочинителя – намекает читателям, что автором сборника является Карамзин (после обращения значилась его подпись – «Н. Карамзин»). И в подобном случае, безусловно, подпись под каждым стихотворением выглядела бы, по меньшей мере, неестественно. В приведенной же цитате мы видим доказательство стремления Карамзина к постоянному совершенствованию и работе над собой.

В издававшемся за пару лет до альманаха «Московском журнале» взгляды писателя часто оставались недоступны публике, на страницах «Аглаи» многие его мысли угадывались или открыто сообщались. По разрозненным цитатам и намекам можно проанализировать и переворот, происшедший в душе писателя. Молодой человек, всего несколько лет назад вернувшийся из насыщенного зарубежного путешествия, к 1793–1794 гг. окончательно отошел от идеализации Европы. В сборнике за 1795 г. Карамзин писал: «Там лежит страннический посох мой, и тлеет во прахе!»¹¹. Европейская поездка, вызвавшая, судя по наивным и искренним отзывам путешественника, небывалый восторг, по прошествии времени повернула Карамзина в противоположном направлении – возрос его интерес к родной стране и русской культуре, в особенности – истории. «Станнический посох тлеет во прахе», а писатель в сельском кабинете читает гамбургские газеты, которые теперь вызывают у него только горькое сожаление «об ужасном безумстве наших просвещенных современников»¹². В двух обращениях к читателям Карамзин подчеркивал, что все сочинения в сборниках русские, хотя в «Московском журнале» одной из приоритетных задач издателя была публикация материалов иностранных авторов. И отнюдь не случайным совпадением стало то, что книгу «Аглаи» за 1795 г. завершила сказка «Илья Муромец» – по замечанию писателя, «совершенно рус-

ская». «Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами», – добавил он¹³. Суждение Карамзина основано на исследовании большого объема соответствующей литературы, а стихи сказки действительно с трудом можно отличить от настоящих старинных русских былин.

Как мы показали, Карамзин в альманахе «Аглая» не делал загадки из своей личности, а, наоборот, демонстрировал, что альманах является его единоличным произведением. Подтверждением тому служат, во-первых, заявления писателя, что автором является именно он (в обращениях к читателям и сносках); во-вторых, отсутствие в большинстве случаев подписей (как мы объяснили выше, это также доказывает, что Карамзин не прятался за анонимностью, а просто не видел смысла в одинаковых подписях под каждым стихотворением); в-третьих, выстраивание доверительного диалога с аудиторией, стирание границ между писателем-творцом и писателем в быту; в-четвертых, издатель не делал секрета из душевных изменений, происходивших под воздействием различных внешних обстоятельств. Для нас остается, тем не менее, не совсем ясной цель, с которой Карамзин пользовался псевдонимами из ни о чем не говорящих буквенных сочетаний, и одной из наиболее вероятных версий нам представляется унаследованная от «Московского журнала» игра с читателем.

«Аониды»

Следующим проектом Карамзина 1790 гг. стал альманах «Аониды», три книги которого появились поочередно в 1796, 1797 и 1799 гг. В издании наблюдалась преемственность с «Аглаей», что видно уже из названия: Аониды – музы искусства, обитавшие в Аонии на горе Геликон. Однако круг авторов в новом альманахе оказался значительно шире, что соответствовало замыслу издателя. В письме к Дмитриеву от 17 октября 1795 г. Карамзин сообщал

об очередном проекте: «Дней пять занимаюсь я новым планом: выдать к Новому году русский Альманах муз, в маленьком формате, на голландской бумаге и пр.»; «Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике»; «Если мало наберется хорошего, поместим изрядное; но не подлого, нечестного, карикатурного нам не надо. Таким образом, всякий год могли бы мы выводить маленькую книжку стихов»¹⁴. И в предисловии ко второй книге альманаха в 1797 г. Карамзин утверждал, что «Аониды» «должны показать состояние нашей поэзии, красоты и недостатки ее»¹⁵.

«Что в имени тебе моем», или Авторы альманаха «Аониды»

По замыслу Карамзина, в публикации должны были участвовать и известные поэты, и «...некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее [публики – А.А.] внимания»¹⁶. Таким образом, наряду с писателями первого ряда в альманахе появлялись и те, чьи стихи больше нигде не были опубликованы, а слава о них шла только в узком кругу друзей и знакомых. В число именитых авторов вошли те писатели, которые уже были знакомы публике по другим изданиям Карамзина, – М.М. Херасков, Г.Р. Державин, В.В. Капнист, В.Л. Пушкин, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.В. Измайлов, И.И. Дмитриев, Н.П. Николаев, особо отметим И.А. Крылова (ранее, насколько нам известно, последний у Карамзина не публиковался).

Перечислим других авторов альманаха, имена которых нам удалось воспроизвести по псевдонимам со стопроцентной точностью (в большинстве случаев при определении имени мы руководствовались текстами стихотворений, в некоторых – данными Словаря псевдонимов И.Ф. Масанова¹⁷): Н.А. Львов, Е.С. Урусова, Е.В. Хераскова, Е.П. Свинына (в замужестве – Бахметева), Д.П. Горчаков, Г.А. Хован-

ский, Д.И. Вельяшев-Волынцов, Е.И. Костров, Д.А. Кавелин, П.С. Кайсаров, А.Ф. Малиновский, М.Л. Магницкий и его сестра А.Л. Магницкая, П.А. Пельский, П.С. Сумароков, М.Н. Муравьев, Д.О. Баранов, А.И. Клушин, А.В. Храповицкий, Д.И. Хвостов, М.М. Вышеславцев, Ф.М. Брянчанинов, И.М. Долгоруков, П.С. Гагарин, П.И. Шаликов, И.Ф. Тимковский.

С меньшей степенью вероятности можно отнести к авторам «Аонид» Николая Романовича Политковского. В альманахе его стихотворения выходили за подписью «Пол.» – в словаре Масанова Политковский значится под псевдонимом «Н. Пол.»¹⁸. Он печатался в «Приятном и полезном препровождении времени» за 1796 г., там же публиковались Петр Иванович Шаликов и Илья Федорович Тимковский, и можно сделать вывод, что несколько авторов одного журнала объединились и вокруг альманаха Карамзина.

Именитый Херасков обходился лишь инициалами – «М.Х.» или «Х.». Некоторые авторы подписывались только полной фамилией – Капнист, Николев, Горчаков, Кавелин (в 1818 г. ставший директором Петербургского университета, в первом сборнике «Аонид» опубликовал песню «Друг мой! Ты мне запретила ангела любви любить...»), Кайсаров (в годы издания «Аонид» учившийся в Московском благородном пансионе), Костров, Баранов, Клушин, Брянчанинов (в «Аониды» вошло единственное его стихотворение, попавшее в печать, – песня «Свободой наслаждаясь, треть века проводил...»), Магницкая. Полной фамилией часто подписывался и Державин (в сборнике за 1798-1799 гг.), в более ранних сборниках его произведения выходили под подписями «Д-нь» и ***. Последний вариант идентичен подписи Дмитриева, причем, по унаследованной от «Московского журнала» традиции, одинаковые псевдонимы были словно призваны запутать читателя – в «Аонидах» за 1797 г. появи-

лось стихотворение Державина «Надпись к памятнику именитого гражданина Шелехова» с подписью ***, сразу за ним следует несколько стихов Дмитриева, в том числе притча «Ласточка и птички», с той же подписью. Другой вариант подписи Дмитриева в «Аонидах» – «Д-въ».

В первый раз на страницах сборника под полным именем появился Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, в книге за 1796 г. опубликован «Хор, петьй в день постановления бюста ее императорского величества в зале Благородного собрания, в Москве». Примечательно, что в том же сборнике его любовное «Послание к Темире» уже подписано инициалами «Ю.Н.М.». Публикация стихов «в честь императорского величества» под полным именем в противовес любовной лирике с инициалами, конечно, может означать желание угодить императрице. Однако подобному явлению есть и иное логичное объяснение. Подписи авторов в альманахе часто создавались по принципу сокращения: «П. Плск» (Петр Афанасьевич Пельский) из первого сборника преобразовалось к 1797 г. в «П.П.»; произведения Михаила Никитича Муравьева впервые появились на страницах «Аонид» под подписью «М. Мрвв», в дальнейшем – «М. Мрв»; псевдоним «Кнз. Птр. Шлквъ» Шаликова в 1797 г. в сборнике за 1798–1799 гг. сократился до «К. П. Ш-въ»; Ал. Хрпвцк (Александр Васильевич Храповицкий) стал «А. Хр.»; в сборнике 1798–1799 гг. «Ода Ломоносову на случай преимущества, пожалованного его потомству высочайшим указом 1798 года августа 22 дня» Дмитрия Ивановича Хвостова опубликована под полной фамилией, а следующий «Праздник быков» – за подписью «Дм. Хв.», и далее следовал только сокращенный вариант. Так и подпись «Юрий Нелединский-Мелецкий» могла потребовать при дальнейшем упоминании более лаконичной формы «Ю.Н.М.». Подобный прием напоми-

нает «легенду» в географических и иных картах – словно подпись заменяет собой полное имя с целью экономии пространства, и буквы, следующие после произведения, являются символом, за которым скрывается настоящее имя.

Два наиболее часто встречающихся варианта подписей – первая и последняя буквы фамилии («И. К-въ» у Ивана Андреевича Крылова, «К.К. У-а» у Екатерины Сергеевны Урусовой, «К... С...а» у Екатерины Петровны Свинойной) или только согласные («Всл. Пшкн» у Василия Львовича Пушкина, «М. Мгнцк» у Михаила Леонтьевича Магницкого).

Произведения Карамзина также входили в «Аонида», чаще всего они, как и в «Аглае», не подписывались совсем, в сборнике за 1797 г. парные стихотворения «К неверной» и «К верной» с пометкой «Переводы с французского» вышли за уже известной нам необычной подписью «О.О.», далее в том же сборнике «Любовь к врагам» была подписана «Ф.Ц.» – как и ранее в «Московском журнале» и альманахе «Аглая», Карамзин имел обыкновение подписываться сочетаниями первых или последних букв алфавита. Отсутствие подписей вновь следует воспринимать не как попытку Карамзина скрыть собственное имя, а как нежелание лишней раз надоедать публике – предполагается, что основная масса читателей в курсе, кто является автором анонимных стихотворений.

Заключение

Альманахи «Аглая» и «Аонида», не смотря на то, что издавались одним и тем же человеком, представляли собой совершенно различные издания. На примере «Аглаи» мы знакомимся с моноальманахом, большинство произведений в котором принадлежали Карамзину. Над созданием «Аонид» трудились многие писатели и, хотя все стихотворения проходили редакторский отбор и публиковались в

соответствии с предпочтениями Карамзина, альманах можно назвать богатым и разрозненным собранием литературных произведений. Именно по указанной причине книги «Аглаи» кажутся более цельными и четко сгруппированными, тогда как в «Аонидах» ощущается различный уровень авторов (Державин и Херасков наряду с Брянчаниновым, писавшим лишь для узкого круга друзей и родственников). Карамзин стремился дать дорогу молодым талантливым авторам, но нельзя отрицать, что в число стихотворений попадали и далеко не безупречные – возможно, чтобы заполнить недостающий объем.

Что касается псевдонимов, то на примере альманахов Карамзина можно сделать определенные выводы о культуре анонимности конца XVIII в. Практически все авторы старательно уходили от своих полных имен и фамилий, и в подобном приеме, несомненно, ощущалась жеманность и изящество галантного века. Сочетания букв чаще всего легко подлежали расшифровке, и тем более не составляли проблемы для ограниченного дворянского круга. Таким образом, псевдонимы становились для писателей театральной ширмой, которая всегда приоткрывала пылливому взгляду правду, – имена не назывались напрямую, но слава все равно находила авторов. Каждый псевдоним демонстрировал определенный настрой писателя: начинающие авторы, подписывавшие свои стихи полной фамилией, надеялись на грядущий успех, получившие признание писатели небрежно помечали стихи инициалами, зная, что их в любом случае прочтут и запомнят, другие убирали из фамилий гласные буквы, предвкушая, как читатели будут ломать голову над получившимся сочетанием. И только один издатель оставлял собственные произведения неподписанными – наверняка припоминая высокомерную половицу «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

* * *

- ¹ Московский журнал. 1792. Ч. XVIII. Кн. 2. С. 334.
- ² Там же.
- ³ Аглая. 1794. Кн. 1. С. 144 [курсив автора цитаты. – А.А.].
- ⁴ Там же 1795. Кн. 2. С. 19.
- ⁵ Там же. С. 100.
- ⁶ Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791-1792). М., 1978. С. 16.
- ⁷ Аглая. 1794. Кн. 1. С. 22.
- ⁸ Там же. 1795. Кн. 2. С. 59-60.
- ⁹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 273.
- ¹⁰ Аглая. 1794. Кн. 1. С. 144.
- ¹¹ Там же. 1795. Кн. 2. С. 5.
- ¹² Там же. С. 60.
- ¹³ Там же. С. 171.
- ¹⁴ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб, 1866. С. 61. [курсив Карамзина. – А.А.].
- ¹⁵ Аониды. 1797. Кн. 2. С. IV.
- ¹⁶ Там же. 1796. Кн. 1. С. IV.
- ¹⁷ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1957.
- ¹⁸ Там же. Т. 2. С. 343.